

УДК 94(470-25)

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-148-155

Семина Г.А.*Московский государственный областной университет***ВРАЧИ КАК ЧАСТЬ ЧИНОВНОГО СООБЩЕСТВА
МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Аннотация. С давних времен в любом обществе врачи занимают заслуженно высокое положение. Пользуясь высоким авторитетом, они также часто получают некоторые привилегии и от государства. В Российской империи положение врачей было достаточно необычным. Многие врачи пользовались привилегиями, которые давала государственная служба. В этой статье врачи рассматриваются как часть чиновного сообщества России в начале XX в, выявляются специфические признаки этой социальной группы и проводится анализ сословного происхождения медиков Московской губернии.

Ключевые слова: чиновники, врачи, сословный состав, государственный аппарат, медицинские чиновники.

G. Semin*Moscow State Regional University***OFFICIALS OF MOSCOW DISTRICT POLICE
IN THE BEGINNING XX CENTURY.: THE SOCIAL ASPECT**

Abstract. Since ancient times, in any society, doctors deservedly occupy a high position. Using high prestige, they also often get some privileges from the state. The position of the Russian Empire doctors were quite unusual. Many doctors enjoy privileges that gave the public service. In this article, the doctors are considered as part of the bureaucratic community in Russia in the early XX century, considered the specific features of this social group and the analysis of the origin of the medical birth Moscow province.

Key words: officials, doctors, social structure, the state apparatus, medical officials.

В наши дни мы уже не относимся к врачам как к чиновникам. Во-первых, юридическое положение медицинских работников сегодня отличается от такого их положения в Российской империи. Во-вторых, род их деятельности совсем иной, чем у «классического» бюрократа. Многие историки поэтому, обходя вниманием вопрос о врачах как чиновниках. Традиционно под чиновниками понимают лиц, занима-

ющихся административным управлением, об этом пишет Зайончковский, но также историк выводит отдельную категорию «в широком понимании слова», куда попадают даже служащие частных банков и железных дорог [2, с. 3]. В Российской империи чиновником считалось лицо, имеющее чин и состоящее на государственной службе, либо лицо, занимавшее «классную» должность. Согласно принципу терминологического подхода: «Учет исто-

рического, т.е. меняющегося, содержания терминов, слов источников – одно из необходимых условий научного историзма в понимании и оценке общественных явлений», «...необходимо учитывать развитие его (т. е. термина. – *Прим. авт. – Г.С.*) содержания в зависимости от условий, времени, места и т.д.» [21, с. 243, 249]. Таким образом, исходя из этой установки, врачей также можно считать частью чиновничества, хоть и специфической.

Как и многие другие чиновники, врачи относились к МВД, в составе которого существовал медицинский совет, ведавший цензурой медицинских сочинений, рассмотрением и испытанием медицинских открытий на практике, изданием инструкций для медицинских и аптекарских чиновников и др. Совет являлся высшим в империи врачебно-учебным учреждением [19, с. 176]. Другим органом в составе МВД был медицинский департамент (в 1904 г. департамент был упразднен, а его функции распределены между управлением главного врачебного инспектора, главным управлением по делам местного хозяйства и др. [17, с. 277]), по гражданской части основными задачами этого департамента была инспекция медицинских и ветеринарных гражданских ведомств [4, с. 158-159]. Врачи пользовались правами гражданской службы, как и другие чиновники, получали чины, могли получить награды, а также имели право на пенсию. Следует обратить внимание, что даже современники в своих работах обращали внимание на некоторую двойственность их положения. Так, например, Г.А. Коваленко, критикуя врачей, пишет о том, что, став чиновниками, они начали ста-

вить карьерные устремления и корпоративные интересы выше своих обязанностей [3, с. 47].

Врачи имели очень высокий социальный статус в Российской империи, хотя уважительное отношение к «людям в белых халатах» характерно для всех эпох. Но до революции огромную роль в положении человека в обществе играли такие формальные, неэкономические элементы, как чины и награды. За стремление к ним врачи подвергались критике: «Врачи имеют привилегию, состоя на земской службе, числиться якобы на государственной и получать чины. Когда-то врачи этим пренебрегали, но затем нравы изменились, и врач-чиновник стал обычным явлением» [3, с. 47]. Автор публицистического очерка считает, что это серьезно снизило качество их работы, они стали подобны «канцеляристам, или другими людьми, неудовлетворенными своим делом, и только ради получения куска хлеба влекущими свою служебную лямку, как неизбежное зло». Кроме того, обращаясь к той же работе Коваленко Г.А., можно заметить, что у врачей появилась какая-то особая спесь: «Вероятно, врачи надели форменные фуражки – для более удобного «общения с народом», для лучшего выполнения «культурной миссии <...> как-никак, а все же мужики шапки снимают и низко кланяются, видя кокарду...» [3, с. 47]. Разумеется, все эти оценки и выводы отражают только одну грань. Сегодня, зная о злоупотреблениях и недостатках нашей медицинской системы, мы все же испытываем к врачам уважительные чувства, доверяя им здоровье и жизнь. Так, например, известный Московский деятель общественного управления

Астров в своих воспоминаниях описывал случаи, когда его отец не подвергался ограблению, лишь потому что нападавшие признавали в нем врача [1, с. 119].

В Российской империи врачи образовывали достаточно замкнутую и привилегированную касту внутри слоя государственных служащих. От основной массы чиновников их главным образом отделяло обязательное наличие высшего образования. Законодательство Российской империи при поступлении на службу отдавало предпочтение сыновьям потомственных дворян, в этом отразились пережитки XIX в., когда среди чиновников это сословие занимало господствующее положение. «Но между тем правительство желает и главным начальникам надлежит поощрять, чтобы молодые дворяне, по окончании наук, употребляли себя к изучению <...> законов своего отечества <...> и для сего определялись бы в гражданскую службу» [18, с. 4]. При этом в такой сложной и требующей дополнительной подготовки профессии сложно было удовлетворить потребность в кадрах лишь благородным сословием. На это обратили внимание еще дореволюционные юристы, так, Н.И. Лазаревский писал, что «для многих должностей <...> научная подготовка и специальное образование очевидно были гораздо существеннее благородства происхождения» [5, с. 72]. Замкнутость этой группы отражается даже в факультетском обещании врача: «Принимая с глубокою признательностью даруемые мне наукою права врача и постигая всю важность обязанностей, возлагаемых на меня сим званием, я даю обещание в течение всей своей жизни ничем не

помрачать чести сословия, в которое ныне вступаю»¹.

Правами поступления на гражданскую службу по образованию пользовались сыновья докторов медицины, лекарей, магистров фармации, магистров ветеринарных наук, провизоров и ветеринаров. По происхождению сыновья лекарских учеников и фельдшеров имели право на поступление в государственную службу в канцелярские служители 3-го (самого низшего) разряда. Медицина являлась «социальным лифтом» для лиц, которым доступ на службу по их происхождению был закрыт. Например, евреи, получив ученые степени доктора медицины и хирургии или доктора медицины, могли поступить на службу в любое ведомство, кроме того, с них снималось ограничение, связанное с чертой оседлости. Евреям-врачам, не имеющим высшей медицинской степени, разрешалось поступать в медицинскую службу везде, кроме столиц (Москвы и Санкт-Петербурга). Также по медицинской и фармацевтической частям могли быть определены иностранцы, несмотря на то, что последние фигурировали в числе лиц, не допускавшихся на службу [18, с. 8-9].

Врачам предоставлялись широкие возможности для усовершенствования своих знаний, для этих целей их могли откомандировать к клинике или больнице, а также за границу. Губернатор и градоначальник своей властью могли назначить сверхштатных врачей в города на казенное содержание с правами государственной службы [19, с. 182]. Кроме того, медицинские чиновники V и VI классов назначались

¹ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 3.

непосредственно министерством внутренних дел. При увольнении, назначении на должность, перевод сверхштатных врачей на государственную службу составлялись специальные протоколы за подписью губернского врачебного инспектора и подавались губернатору на утверждение [19, с. 183].

Звание уездного врача давалось после окончания высшего учебного заведения. Для этого будущие врачи подвергались испытаниям в университете. Уездный врач – это учено-служебное наименование, также врачи имели и учено-практические степени, к которым относились начальная степень – лекарь, а также доктор медицины и доктор медицины и хирургии. Большая часть врачей имели степень лекаря и звания уездного врача. Медицинский персонал играл немаловажную роль и в органах полиции. При каждом полицейском участке Москвы имелся приемный покой, который обслуживали врачи и фельдшеры. Они подчинялись не только Московскому врачебному управлению, но и обер-полицмейстеру, а когда эта должность была упразднена (1906 г.), то – градоначальнику. Главой врачебно-полицейского управления был старший врач, под его началом находился весь штатный персонал управления: полицейские врачи, повивальные бабки и фельдшеры. Кроме штатных должностей существовали и сверхштатные с правами государственной службы, они отбирались обер-полицмейстером и назначались министром внутренних дел. Штатный персонал отбирался старшим врачом и назначался генерал-губернатором по представлению начальника полиции [14, с. 59-60].

Если врач поступал на службу в больницу, то его определением занимался попечительский совет этой больницы. Также врачи служили в учебных заведениях. Например, Владимир Никитович Кулигин, который служил врачом-хирургом в Егорьевской городской земской больнице в 1913 г., к 42 годам успел поучаствовать в военных действиях на Дальнем востоке во время Русско-японской войны, был земским врачом в Харьковской губернии, состоял преподавателем в Тобольской фельдшерской школе и одновременно тобольским санитарным врачом, с 1910 г. стал хирургом вышеупомянутой больницы, штатным врачом Егорьевского училища, с 1914 г. – врачом Егорьевской гимназии. В период с 1906 по 1908 гг. служил в госпитальной хирургической службе Московского университета, где проводил свою научную работу. Несмотря на совершенно нехарактерную для чиновников деятельность, своей службой этот человек получал чины наравне с другими государственными служащими. Всего Кулигин с 1911 по 1917 гг. провел 1532 операции и получал дополнительную плату за занятие хирургией сначала 300 р., а затем 600 р. в год¹. Конечно, загруженность работой хирурга начала XX в. нельзя сравнить с загруженностью современных врачей. Во-первых, судя по характеру операций, в условиях работы небольшой земской больницы практически отсутствовала специализация. Все операции были различны по сложности, поэтому нельзя считать их равноценными. Даже если бы современный хирург выполнял всего по две операции в день при 250 рабочих днях в году, он

¹ ЦИАМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 210.

бы сделал такое количество операций в два раза быстрее.

Врачи при учебных заведениях могли получать жалование как из казны, так и из средств земств, городских обществ, сословий или частных лиц [9, с. 728]. Врач занимался освидетельствованием учеников и следил за здоровьем учащихся. Например, в учительском институте поступающие осматривались врачом для выявления имеющихся телесных недостатков, которые могли препятствовать выполнению обязанностей учителя [9, с. 734]. В гимназиях врачи также следили за соблюдением гигиенических условий в помещениях, свои замечания представляли педагогическому совету для обсуждения [8, с. 92]. При этом жалование врача в учебном заведении министерства народного просвещения было ощутимо ниже по сравнению с зарплатами в больницах, где ординатор мог получать 1200 р. в год, в то время как жалование врача учительского института [10, с. 281] или прогимназии [11, с. 175] составляло всего лишь 300 р. в год, хотя обе должности были положены в VIII классе. При этом, основываясь на логике, можно предположить, что работа врача в больнице намного более интенсивная, чем при учебном заведении.

Распределение по классам должностей не очень равномерное, это вызвано тем, что найти штатные расписания с указанием классов должностей для каждого медицинского или учебного заведения, где работали врачи, было достаточно сложной задачей. Поэтому должности большинства врачей относили к VIII классу. Такое решение основано на исследовании большого количества штатных расписаний. На-

пример, VIII класс имели врачи по штатам учительского института [10, с. 281], прогимназии [11, с. 175], а также по отдельным законодательным актам об учреждении должности врача VIII класса в разных заведениях, таких как Лазаревский институт восточных языков. Врачи при уездных училищах тоже были отнесены к VIII классу [12, с. 154]. При коммерческих городских училищах должность врача относилась к VII классу [16, с. 1039].

Врачи в больницах носили наименование ординаторов – врач, заведующий палатой или отделением. Ординаторы делились на старших и младших [22, с. 122]. Ординаторы также относились к VIII классу [6, с. 1]. Также к этому же классу относились ординаторы Павловской больницы в Москве [17, с. 358]. При Московской Мариинской больнице старшие ординаторы относились к VII классу, а младшие – к VIII [7, с. 151]. Старшие ординаторы московских тюремных больниц относились к VII классу, младшие также – к VIII [7, с. 149]. Остальные медики, такие как врачи-ассистенты, штатные аптекари при больницах, относились к тому же классу.

При тюрьмах и больницах состояли врачи-консультанты по разным болезням, они принадлежали к разным классам должностей. Например, консультант при Московской Голицынской больнице по нервным болезням состоял в VI классе, по акушерству – в V классе [15, с. 576], врачи-консультанты при софийской детской больнице состояли в VI классе [15, с. 189], в делопроизводственных документах консультант по ушным и горловым болезням значится как VII класс¹. Кон-

¹ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 50. Д. 755. Л.20

сультанты при тюремных больницах Москвы причислялись к VI классу (как и старшие врачи [7, с. 149]).

Прозекторы (современное – патологоанатом – в буквальном смысле производящий вскрытие) при больницах полагались по штату для вскрытия трупов с целью «проверки прижизненного диагноза и для производства гистологических исследований» [23,

с. 366]. По штату лечебных заведений Министерства внутренних дел прозекторы приравнивались к старшим врачам, соответственно имели либо VI, либо VII класс в зависимости от класса больницы. Например, при больнице для чернорабочих они имели VII класс [13, с. 259].

Как можно видеть из таблицы, дворянство сохраняло небольшое пре-

Социальный состав врачей Московской губернии за 1900-1913 гг¹.

Чин	Должность	Из дворян	Из л. дворян	Из крестьян	Из мещан	Сын купца	Из об.-офицер. детей	Из поч. гражд.	Из цеховых	Сын военного	Казачи	Сын священносл.	Сын врача ²	Сын чиновника	Другие ³	Н/Д
	V															2
	VI				1	2						3		1		
	VII	2			4	1	1							2		
	VIII	32	2	2	27	13	10	2	2	1	2	24	3	18	4	4
		34	2	2	32	16	11	2	2	1	2	27	3	21	4	6
III																1
IV						3								1		1
V		5			2		3			1		2	1	2		
VI		9	1		7	4	6		1		1	12		5		
VII		3		2	6			1				4	1	1	1	
VIII		1			6	4	1	1			1	4	1		2	
IX		2			3	2	1					1		4		
X		1			1											
XII		1														
0		12	1		7	3			1			4		8	1	4

¹ ЦИАМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 3; Ф. 1. Оп. 4. Д. 654; Ф. 1. Оп. 4. Д. 264; Ф. 179. Оп. 50. Д. 948; Ф. 179. Оп. 50. Д. 6165; Ф. 1. Оп. 3. Д. 210; Ф. 1. Оп. 4. Д. 8; Ф. 179. Оп. 50. Д. 683; Ф. 179. Оп. 50. Д. 755; Ф. 179. Оп. 50. Д. 777; Ф. 179. Оп. 50. Д. 905; Список врачей служащих в учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения на 1906 г. СПб., 1906.

² Сын аптекарского помощника также включен в эту категорию.

³ Сын учителя(2), сын пробирщика, бывший швейцарский гражданин, принявший русское подданство.

имущество среди врачей Московской губернии, из 165 врачей 34 были дворянами (20 %), 32 – мещане (19 %). В целом нет четкого преобладания какого-либо одного сословия. Дворян больше, так как им было более доступно высшее образование, но карьера врача была сложна, а дворянство имело массу других способов получить награды и чины. К тому же традиционно карьера лекаря не считалась престижной для привилегированного сословия. Для мещан получение высшего медицинского образования был хорошим способом поступить на гражданскую службу. То же самое относится и к купечеству, их число заметно меньше, потому что купцы обычно имели большую финансовую независимость, а также склонность к предпринимательству. Также к мещанам и купцам часто относились семьи крещеных евреев, с которых медицинское звание снимало ряд ограничений. В списках за 1913 г. количестве мещан уже больше, чем дворян, но так как количество самих источников небольшое, то сложно судить, являлось ли такое изменение тенденцией. В большинстве случаев по окончании университета врач получал чин титулярного советника (IX) по образованию. Чины X и XII классов нехарактерны для врачей. В эти категории попали Уманец Лев Игнатьевич врач комиссаровского технического училища, управляющий аптекой Московской 1-ой городской больницы Видмонт Петр Иванович и врач Московской 6 гимназии Карпов Владимир Саввич. Причиной может быть недостоверность сведений источника. Врачи, не имеющие чина, обычно только недавно поступили на службу и, соответственно, только недавно по-

лучили права государственного служащего. Большинство врачей имело чин коллежского советника (VI) – 43 (26 %), что соответствовало должностям податных инспекторов, земских начальников или губернского архитектора и инженера, между остальными чинами врачи распределены более равномерно.

Таким образом, врачи в Российской империи занимали достаточно высокое положение среди чиновников. Обязательное наличие высшего образования и снятие ряда ограничений сделали врачей разнообразной группой по сословному составу. Вытеснение дворянства другими сословиями тут начало происходит намного раньше, чем в других ведомствах (например, в казенной палате [20, с. 113-119]).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Астров Н.И. Воспоминания. Т. 1. Париж, 1941. 360 с.
2. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. 288 с.
3. Коваленко Г.А. Врачи и общество. СПб., 1905. 80 с.
4. Кривенко В. Сборник кратких сведений о правительственных учреждениях. СПб., 1889. 270 с.
5. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 2. 1910. 276 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 36. Ч. 2. СПб., 1861. 673 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 37. Ч. 1. СПб., 1862. 832 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 46. Ч. 2. СПб., 1871. 814 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 47. Ч. 1. СПб., 1872. 1047 с.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 47. Ч. 3. СПб., 1877. 643 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 49. Ч. 3. СПб., 1874. 867 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 51. Ч. 1. СПб., 1876. 714 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 52. Ч. 2. СПб., 1877. 343 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 1. СПб., 1881. 379 с.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 16. Ч. 2. СПб., 1896. 621 с.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 19. Ч. 1. СПб., 1899. 1324 с.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 2. СПб., 1882. 493 с.
18. Свод законов Российской империи. Кн. 1. Т. 1-3. СПб., 1912. 404 с.
19. Свод законов Российской империи. Кн. 5. Т. 13-16. СПб., 1913. 353 с.
20. Семин Г.А. Чиновники Московской казенной палаты в начале XX в.: социальный аспект // Вестник МГОУ. 2014. № 5. С. 113-119
21. Смоленский Н.И. Теория и методология истории: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2007. 272 с.
22. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 22. СПб., 1897. 480 с.
23. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 25. СПб., 1898. 478 с.